

**Николай КАЛИНИН,
Марина ЗЕМЛЯНИЧЕНКО**

«КЛАССНЫЙ ХУДОЖНИК АРХИТЕКТУРЫ НИКОЛАЙ КРАСНОВ»

В московском издательстве «Русский путь» готовится к выпуску книга «Архитектор Высочайшего Двора», посвященная жизни и творчеству талантливого русского зодчего Николая Петровича Краснова. Авторы — крымские исследователи Н.Н. Калинин и М.А. Земляниченко и известный сербский искусствовед, профессор Белградского университета А. Кадиевич — поставили цель как можно более полно раскрыть в своей монографии роль Краснова в создании архитектурного облика Южного берега

Крыма и столицы молодого государства Югославии — Белграда, где он жил и работал с 1922 года после вынужденной эмиграции из России. Читателям предлагается глава из книги, рассказывающая об истории строительства Ливадийского дворца.

В марте 1913 года Н.П. Краснов направил в Петербургскую Академию художеств, выдвинувшую его кандидатуру на присуждение звания академика, список основных работ, выполненных по собственным проектам. В него он включил более 60 построек, а также многочисленные зарисовки и планы старинных татарских зданий, собранные им для Комиссии по реставрации Бахчисарайского дворца. Что же из этого обширного перечня архитектор считал самой большой своей удачей? Ответ на этот вопрос дает его письмо Ф.Г. Беренштаму, в котором Краснов в связи с предстоящими выборами в Академию просит авторитетного искусствоведа написать статью в журнал «Зодчий» только *о двух своих произведениях* — церкви Св. Нины и Преображения Господня в имении великого князя Георгия Михайловича и о Ливадийском дворце Его Императорского Величества.

История возведения нового Ливадийского дворца интересна не только как пример высокого профессионализма ялтинского архитектора. Вся кампания 1910-12 гг. по модернизации южнобережного императорского имени наглядно показывает целесообразность и продуманность основных положений дореволюционного государственного «Строительного устава», направленных на качественное и быстрое воплощение в жизнь архитектурных проектов, предоставлявших максимальные возможности для проявления творческой инициативы архитекторам и строителям.

Ливадия была приобретена в 1860 году Департаментом Уделов (так до 1893 года называлось его Главное управление) Министерства Императорского Двора у наследниц графа Л.С. Потоцкого, известного польского магната, состоявшего на дипломатической службе России. Новое царское владение предназначалось для климатического лечения и отдыха императрицы Марии Александровны, супруги Александра II: и летом следующего года во время первого Высочайшего приезда в Ливадию было преподнесено ей в подарок специальным Указом Императора.

Мария Александровна приняла самое деятельное участие в планах обустройства своего южнобережного имения. Придворному архитектору Ипполит Антонович Монигетти, как «знающему вкус Их Императорских Величеств», она поручила провести в Ливадии большой комплекс работ, связанных с реконструкцией старых и строительством новых зданий. Остановимся хотя бы кратко на описании вида Ливадии — какой она была до 1910 года. Это не только даст представление о том, что именно сохранилось в ней из построенного И.А. Монигетти, но и покажет далее, как бережно, деликатно вносил Н.П. Краснов свои изменения в облик царского имения, созданного его знаменитым предшественником.

Перед отъездом в Крым в июне 1862 года Монигетти представил императрице на утверждение планы фасадов основных предполагаемых по-

строек. Архитектурный стиль, предложенный зодчим для ансамбля дворцовых зданий, нашел полное одобрение Марии Александровны — своей простотой и утонченной изысканностью он отвечал всем ее требованиям. Впоследствии в отчетах о строительных работах Ипполит Антонович постоянно подчеркивал, что большинство зданий выполнено им в «татарском вкусе» или «во вкусе татарской избы». Действительно, ни одно из них не похоже на какие-либо западные образцы стилизованных под «восточные мотивы» построек. Не повторился в них и первый его опыт обращения к архитектуре Востока — построенного в 1852 году в Царскосельском парке павильона «Турецкая баня». В Ливадии он проявил себя как талантливый интерпретатор мотивов архитектуры разных народов. При внимательном рассмотрении проектов Монигетти можно найти в них элементы самобытных крымскотатарских домов и орнаменталистику Ближнего Востока, проект же дворцовой Крестовоздвиженской церкви основывался на синтезе архитектуры культовых сооружений Закавказья и Византии. Свободная, живописная компоновка построек дала возможность архитектору каждую из них решать своеобразно, с включением каких-либо иных, отличных от соседней, мотивов, сохраняя при этом единый стиль. Всего же за четыре года (1863—66) И.А. Монигетти в царском имении построил около 70 зданий различного назначения — от дворцовых до служебных и хозяйственных. Они возводились в основном из местного серого гаспринского камня с гладкими ровными стенами — либо простой полигональной кладки, либо оштукатуренными в светло-коричневые тона. Главным украшением всех построек были резные элементы из дерева: стрехи крыш («сталактиты»), карнизы и подпирющие их кронштейны, колонки балконов, решетки, пинакли. На их фоне ослепительной белизной сверкал дворцовый храм Воздвижения Честного Креста, построенный из инкерманского камня с византийской орнаментацией по этому камню и резными вставками из гаспринского.

К сожалению, войны и стихийные бедствия, пронесшиеся над Крымом, а главное, равнодушные чиновников, в ведение которых попадали памятники истории и культуры, привели либо к их полному уничтожению, либо к бездарной перестройке, исказившей первоначальный замысел архитектора. Но главной потерей, конечно же, является сгоревший в первые месяцы Великой Отечественной войны Дворец Наследника, так называемый Малый дворец. Его по праву можно было назвать ливадийским шедевром Монигетти. В отличие от Большого Императорского дворца, где архитектор вынужден был в основном заниматься капитальной реконструкцией старого дома графа Потоцкого, малый дворец — от фундамента до пинаклей на крыше — полностью его творение. Путешественники, посещавшие Ливадию, и авторы путеводителей по Крыму оставили нам полные восторга описания этого прелестного здания, неизменно подчеркивая при этом его восточный колорит и сходство многих деталей украшений с образцами Бахчисарайского дворца. Общность творческих идеалов архитектора и «удельного садовых дел мастера» Климентия Геккеля, прибывшего в 1863

году в Ливадию из подмосковного имения Марии Александровны «Ильинское», привела к созданию ими прекрасного дворцово-паркового ансамбля. Среди многих заслуг Геккеля по совершенствованию и украшению парка, заложенного еще при Л.С. Потоцком, прежде всего отметим значительное расширение розария, устройство пергол (навесных конструкций), увитых плетистыми сортами роз, и, что самое главное, — крупные посадки всевозможных хвойных деревьев: по совету врача С.П. Боткина, последние он в основном высаживал в тех местах парка, где особенно любила бывать больная туберкулезом императрица. Большое значение придавал Монигетти созданию малых архитектурных форм. Им были найдены удачные решения беседок, пергол с вьющимися растениями, подпорных стен, изящных фонтанов. До сих пор сохранилась «турецкая беседка» над тоннелем в парке, ставшая сейчас своеобразным символом Ливадии, фонтаны «Ливадия», «Мария», «Мавританский» и несколько мраморных чашеобразных. [Кроме Крестовоздвиженской церкви, на территории, ныне, принадлежащей санаторию «Ливадия», сохранились, правда, в весьма измененном виде «оранжерея Потоцкого», дом садовника, бывший Свитский дом, каретный сарай и некоторые другие постройки. — *Авт.*].

С началом нового столетия в Большом Ливадийском дворце стали заметно проявляться признаки активного процесса разрушения, вызвавшие тревогу у нового управляющего имением В.Н. Качалова. В рапорте, поданном в Главное Управление Уделов в ноябре 1904 года, он сообщал о результатах предпринятого им совместно с компетентной комиссией тщательного осмотра здания дворца. Выяснилось, что замеченные ранее повышенная влажность в комнатах первого этажа и непрочность полов в них связаны с сыростью подвальных помещений из-за недостаточного дренажа и, как следствие этого, серьезным повреждением балок междуэтажных перекрытий. Вызывало опасение и состояние стен в некоторых залах. Комиссия предложила решить вопрос о дворце в ближайшее время: либо ставить его на капитальный ремонт и реставрацию, как это было в 1888 году с Малым дворцом, либо же полностью снести его и построить новый. «Между тем, — писал В.Н. Качалов, — существующие ныне политические обстоятельства, которые едва ли могут разрешиться в скором времени, по всей вероятности, должны отсрочить решение вопроса постройки нового дворца на довольно продолжительное время...». Действительно, в тревожные годы русско-японской войны и первой русской революции не только сам Николай II, но и члены его семьи не сочли возможным уезжать на отдых в столь далекий от столицы Крым.

В период 1905–1909 гг. инженеры Ливадийско-Массандровского Удельного Управления И.А. Носалевич и Г.П. Гуцин предпринимали ряд ремонтных работ, не решивших, конечно, главных проблем Большого Императорского дворца. Его судьба определилась только во время Высочайшего приезда осенью 1909 года. Принятие окончательного решения о сносе ветшающего здания и строительстве нового явно было весьма нелегким для царской четы: ведь с этим дворцом связывалось столько дорогих се-

мейных воспоминаний, особенно для Николая Александровича, которого еще мальчиком родители постоянно привозили в южнобережное имение.

Один штрих, одна маленькая деталь из «Воспоминаний» великого князя Александра Михайловича показывает, какую нежную любовь к старой Ливадии пронес через свою жизнь последний император России. Сразу после исторического отречения от престола 2 марта 1917 года единственно, что скрасило глубокое отчаяние Николая, скрываемое под видимым спокойствием и сдержанностью, — воспоминания о детских годах, проведенных в Ливадийском дворце. О колебаниях Николая II и Александры Федоровны говорит и тот факт, что по приезду в Крым они сразу же дали указание представить на рассмотрение справку по истории строительства сгоревшего в 1881 году Ореандского дворца [Ореанда — с августа 1894г. императорское имение, расположенное рядом с Ливадией. — *Авт.*] с указанием, где именно находятся чертежи автора проекта, архитектора А.И. Штакеншнейдера. Видимо, ими обсуждался вариант его восстановления с тем, чтобы сохранить старое здание в Ливадии.

Но решение о строительстве нового, более комфортабельного и вместительного дворца было все-таки принято, а вскоре государь определил для него и архитектурный стиль. 6 октября 1909 года он направился из Ливадии в двухнедельную поездку в Италию, чтобы нанести давно запланированный визит королю Виктору-Эммануилу III, имевший важное политическое значение для двух государств. Королевская семья, находившаяся в это время в своей загородной резиденции Ракоиджи, близ Турина, радушно встретила российского императора и постаралась показать ему все достопримечательности старинного пьемонтского владения Савойского королевского дома. Более всего Николаю понравился дворец в стиле Итальянского Ренессанса (в дореволюционных искусствоведческих статьях этот прекрасный стиль часто именовали «нежным»). Выбор же архитектора для столь престижного заказа уже был определен мнением о нем самого царя. На Южном берегу Крыма Николай II часто наносил визиты своим родственникам и приближенным, и впечатления о них затем отмечал в дневнике и письмах к матери. Лично осматривая их имения, он мог убедиться, что архитектор, проектировавший дворцы и парки, обладает большим талантом, оригинальностью творческого мышления и тонким вкусом. Вот, например, одна из его записей, сделанная 8 сентября 1909 года после посещения Харакса: «В 2^{1/2} поехали в имение Георгия и Минни [Великий князь Георгий Михайлович и великая княгиня Мария Георгиевна, владельцы южнобережного имения «Харакс». — *Авт.*]. Осматривал их дом, сад, маленькую церковь, помещение для свиты. Все красиво, просто, устроено со вкусом».

Начиная с 27 октября и до своего отъезда из Ливадии, 16 декабря Николай II и Александра Федоровна постоянно принимали у себя Николая Петровича Краснова, подробно обсуждали проект дворца, внутреннее убранство залов, высказывали пожелания по модернизации всего имения: «Разговаривал с архитектором Красновым относительно плана будущего дома»; «...был Краснов»; «Долго ходил по саду с Красновым и старшим

садовником [Австрийский подданный Э.Ренгер. — *Авт.*], обсуждая разные вопросы постройки домов и изменения направления большой проезжей дороги...». А уже 10 декабря: «До завтрака у нас были Кочубей [Князь В.С. Кочубей. — *Авт.*], начальник Главного Управления Уделов и Краснов с планами нового дворца».

За четыре дня до отъезда из Ливадии, 12 декабря, царская чета окончательно утвердила проекты новых зданий в имении. [Однако в ходе строительства, через управляющего имением В.Н. Качалова — от Николая и особенно Александры Федоровны продолжали поступать указания изменить какие-либо детали проекта. — *Авт.*].

Вот несколько пунктов «Инструкции Строителю нового Дворца и других при нем зданий в Ливадии Архитектору Н.П. Краснову» [Чтобы не загружать текст цитированием, мы приводим здесь те пункты «Инструкции» (с сохранением их порядкового номера), которые особенно важны для понимания того, как была организована строительная кампания в Ливадии в 1910–12 гг. — *Авт.*], составленной Удельным ведомством в полном соответствии с российским «Строительным уставом». Они интересны тем, что в них конкретно указывается весь объем работ, который возлагался на Н.П. Краснова и, главное, предписывалось, как он должен их выполнять, права и обязанности Архитектора-строителя.

«1. Согласно Высочайшему повелению от 12 декабря 1909 года разломка и снос Большого Ливадийского дворца, фрейлинского и кухонного домов при нем и возведение в Ливадии нового дворца, свитского дома и кухни с меблировкой этих зданий, с переустройством нынешнего свитского дома по новому его назначению (гофмаршальский. — Авт.), с прокладкой новой главной подъездной дороги и с переустройством прилегающей к дворцу части Ливадийского парка — возлагается на Архитектора Н.П. Краснова, который выполняет эти работы самостоятельно, под единоличную своей ответственностью, и принимает все зависящие от него меры к окончанию всех этих работ и к оборудованию дворца и других новых при нем зданий внутреннюю обстановкой к концу августа 1911 г. На тех же основаниях на Архитектора Краснова возлагается полный внешний и внутренний ремонт дворцовой церкви, которая по выработанному проекту, не подлежа сломке, должна быть сохранена в существующем виде. [Позднее, в сентябре 1910 года, Краснову было дано Высочайшее указание увеличить западный придел церкви. — Авт.]. Устройство внутреннего электрического освещения в новом дворце, в свитском новом и старом домах и в новой дворцовой кухне, т.е. внутренняя проводка проводов и установка всех арматур для освещения, относится к обязанностям Архитектора Краснова, который должен заявить Ливадийско-Массандровскому Удельному Управлению не позже 1 февраля 1910 года, какое количество электрической энергии должно быть рассчитано для освещения этих зданий и для работы 3-х подъемных машин (т.е. лифтов. — Авт.). Обеспечение же дворца и других дворцовых зданий электроэнергией относится к обязанностям Удельного Управления и должно быть окончено к 1 июля 1911 года для получения воз-

возможности производства своевременного опробования электроосвещения в новом дворце и в др. зданиях.

2. При выполнении работ Н.П. Краснов сам выбирает себе своих помощников, чертежников, конторщиков, десятников и весь остальной низший персонал служащих при работах; закупает и заготовливает по своему усмотрению весь необходимый строительный материал; устанавливает цены на рабочих, материалы и на самые работы и выбирает фирмы, артели и отдельных лиц для сдачи им подрядным способом отдельных работ по выстройке вышеуказанных зданий. На этот предмет Строитель Дворца Архитектор Н.П. Краснов получает особое письменное уполномочие, с правом заключения условий и договоров на разного рода подряды, поставки и работы <...>.

7. Для размещения рабочих при новых постройках Строитель дворца выстраивает за счет расходов постройки дворца соответствующее количество жилых деревянных бараков временного характера на свободных полях в Ореанде, вблизи места построек, и в самой крайности в самой Ливадии, где удельная администрация найдет возможным отвести места для таких бараков.

15. За свой труд по составлению проектов постройки нового дворца, светского и кухонного домов и обмеллировки их <...>, а также по изготовлению полного технического отчета по этим работам в Ливадии Архитектор Н. П. Краснов получает в вознаграждение восемь процентов с суммы итога расходов на все эти работы <...>.

16. Ввиду самостоятельного и единоличного ведения Архитектором Красновым работ по постройке в Ливадии нового дворца и др. при нем зданий и сооружений, Ливадийско-Массандровское Удельное Управление должно иметь за этими работами лишь общее наблюдение, не входя в существо дела, а лишь оказывая Строителю дворца возможное содействие в тех случаях, когда об этом он будет просить Управление».

Как видим, широкие права Строителя дворца сочетались с огромной личной ответственностью за успешное и качественное завершение всех перечисленных в Инструкции работ. Одновременно другому архитектору, Глебу Петровичу Гушину, выпускнику Петербургского института гражданских инженеров им. Императора Николая I, поручалось строительство комплекса технических сооружений (электростанции, гаража и пр.) и жилых Домов для обслуживающего персонала на территории Ливадийской слободки и Ореанды. Согласно составленным архитекторами общих смет затрат, Главное Управление Уделов выделило на строительство в Ливадийском имении 4,2 млн. руб. серебром, из них 2,6 млн. предназначались на возведение нового дворца. К слову старого дворца и кухонного корпуса, построенных И.А. Монигетти в 1862—64 гг., приступили 21 января 1910 года. Через полтора месяца началась закладка фундаментов для новых зданий.

Церемония освящения основания Большого Ливадийского дворца была приурочена к 23 апреля — дню тезоименитства императрицы Алек-

сандры Федоровны. Торжества в Ливадии по этому поводу дают представление о том, какое значение придавали в России созданию праздничной обстановки при начале любого крупного строительства. Все его участники осознавали, что свой труд они вкладывают в то, что намного переживет их самих и на века станет прекрасным памятником их жизни.

После совершения духовенством молебна на строительной площадке в специально подготовленном в фундаменте дворца месте были опущены стеклянный цилиндр с запаянным в него пергаментом с текстом и большая серебряная доска с выгравированной на ней надписью следующего содержания:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. В лето от Рождества Христова одна тысяча девятьсот десятое, при Благочестивейшем Самодержавнейшем Великом Государе Императоре Николае Александровиче и супруге Его Благочестивейшей Государыне императрице Александре Федоровне, и Матери Его Благочестивейшей Государыне императрице Марии Федоровне, Наследнике Его Благоверном Государе Цесаревиче и Великом князе Алексее Николаевиче, Благоверных Государынях и Великих княжнах Ольге, Татьяне, Марии и Анастасии Николаевнах повелением Его Императорского Величества, в шестнадцатый год благополучного Его царствования, 23 апреля, в День Тезоименитства Августейшей супруги Его Государыни Императрицы Александры Федоровны; в бытность Министром Императорского Двора и Уделов генерал-адъютанта, генерала от кавалерии барона Владимира Борисовича Фредерикса и начальником Главного Управления Уделов генерал-адъютанта, генерал-майора князя Виктора Сергеевича Кочубея, при управляющем Ливадийско-Массандровским Удельным Управлением действительном статском советнике Владимире Николаевиче Качалове, заведывающим Ливадийскими дворцовыми зданиями полковнике Петре Николаевиче Янове и при строителе классном художнике архитектуры Николае Петровиче Краснове, по совершении молебствия ялтинским и удельным духовенством, положено основание сему Императорскому Дворцу в имени Его Величества «Ливадия» по проекту, составленному согласно личным указаниям Их Императорских Величеств, архитектором Н.П. Красновым».

При участии всех почетных гостей серебряная доска была закреплена в основании дворца, после чего духовенство с пением молитвы «Христос Воскрес» обошло начатые постройки, новую дорогу и территорию парка, предназначенную для переустройства, кропя их святой водой. Торжество закончилось пением российского гимна «Боже, Царя храни» и восторженными криками «ура» рабочих стройки и присутствовавших гостей. Затем на нижней площадке перед дворцом были собраны все православные рабочие для праздничного обеда и вручения каждому из них по рубашке. Такой же обед и подарки были даны перед свитским домом и рабочим магометанам. Строителю же дворца — архитектору Н.П. Краснову, его ближайшим сотрудникам — архитекторам и инженерам А.К. Иванову, Л.Н. Шаповалову, П.А. Крестинскому, И.А. Брызгалову, духовенству и почетным

гостям, участвовавшим в торжестве закладки фундамента, по распоряжению управляющего имением В.Н. Качалова был дан праздничный завтрак в ресторане гостиницы «Метрополь».

Время, отведенное на возведение Большого дворца и всего комплекса новых зданий — 17 месяцев — уже само по себе поразительно. Но когда из архивных документов стала известна подлинная история их строительства и неожиданные осложнения, сопровождавшие его, к удивлению присоединилось чувство восхищения знаниями, находчивостью и ответственностью за порученное дело архитекторов, инженеров и рабочих, которые выдержали этот невероятный срок в столь сложных условиях.

Начальному периоду строительства благоприятствовала прекрасная погода, и работа продвигалась быстро. Однако вскоре возникло первое непредвиденное осложнение. При проведении буровой разведки грунта выяснилось, что на довольно обширной площади восточной части стройки материковые породы залегают на большой глубине. Кроме того, там же был обнаружен мощный проход подпочвенных вод, ослаблявших шиферный грунт. Пришлось дренажировать всю площадь под зданием дворца до глубины непроницаемого слоя глины, проводить большие работы по прокладке подземной водосборной галереи, перерезающей все подходы подпочвенных вод и отводящей их далеко от постройки дворца. Одновременно со строительством дренажной системы приступили к забивке 1054 бетонных свай для устройства на них железобетонной подушки будущего фундамента [Максимальное заглубление фундамента под дворцом 10,5 аршин (7,5 м). Вообще в ливадийских постройках 1909-12 гг. очень много железобетонных конструкций. Цемент для них привозили с Новороссийского завода, славившегося тогда качеством своей продукции не только в России, но и в Европе. — *Авт.*]. Эти непредвиденные работы задержали почти на месяц кладку фундаментов в восточной части дворца. По этому поводу Н.П. Краснов писал в одном из своих отчетов: «Это потерянное время придется возместить путем усиленных ночных и праздничных работ», для чего в ночное время сразу же было устроено электроосвещение.

Летом 1910 года возникло новое осложнение: в Крыму вспыхнула эпидемия холеры. Над Ливадией, где ежедневно находились от 800 до 2000 человек, нависла серьезная опасность. Красновым и его помощниками были приняты решительные санитарные меры для предотвращения заболеваний собранных на строительстве людей. Всех рабочих переселили на территорию имения, где были построены специальный изоляционный барак с кухней и временная баня, установлены котлы для кипятка, кроме того — ежедневный медицинский осмотр, купание в море, дезинфекция и употребление медикаментов. И хотя эти мероприятия также несколько задержали ход строительства, Краснов с гордостью отмечал, что в Ливадии не было ни одного случая заболевания.

В начале января 1911 года, подводя итоги прошедшего года, Н.П. Краснов писал: «С 21 января 1910 года по 1 января 1911 года прошло 11 месяцев и 11 дней. Из них <...> первые 1 месяц и 11 дней использованы на сломку

и свозку старых строений, 2 месяца — на кладку фундамента, 1 месяц на кладку цокольной части и оставшиеся 5 месяцев — на доставку, обработку и укладку около 300000 штук камней в стены, устройство железобетонных потолков и полов, установку стропил и покрытие крыши Большого дворца». Тогда же, в январе 1911 года дворец был уже подготовлен к внутренним отделочным работам, и тут наступил самый тяжелый период в строительстве: беспрецедентная по своей суровости зима 1910-11 гг. На Южном берегу Крыма, где обычно мягкая, теплая зима, в январе внезапно ударили морозы — днем минус 5—8° С, ночью — до минус 13°. День за днем шел обильный снег, и скоро вся стройка покрылась огромными сугробами. Морозы ослабели только в марте, но и в апреле—мае стояла ненастная, неустойчивая погода. Отсыревшие стены зданий не позволяли приступить к отделочным работам. Группа инженеров под руководством Н.П. Краснова и здесь находит выход из положения: устраивается мощное электрическое отопление для просушки дворца и светского дома, камеры принудительной (как тогда говорили, «побудительной») вентиляции, организуются сверхурочные и ночные работы. Принятые решительные меры позволили подготовить дворец к сдаче и освящению практически к намеченному сроку — официально она состоялась 14 сентября 1911 года. Вслед за дворцом одна за другой сдавались и остальные постройки, среди них — светский дом и здание главной кухни. Новая кухня [Впоследствии, когда в 1914 году к дворцу пристроили одноэтажное здание буфетной, его соединили с кухней просторным подземным тоннелем, часть которого сохранилась до сих пор. — *Авт.*] имела 90 помещений, оборудованных самыми современными механическими аппаратами и специальными холодильниками для хранения продуктов, винный погреб и льдодельню, приводимую в действие электрическими машинами. Заканчивалось также строительство целого ряда служебных зданий, возводимых под руководством архитектора Г.П. Гущина: гаража для автомобилей, электростанции, карантинного дома, насосных станций и т.д. Подъездные дороги к дворцу совершенствовались для использования их новым видом транспорта — автомобильным.

Завершение строительства было отмечено столь же торжественно, как и закладка фундамента Большого дворца. Всем рабочим вновь был устроен праздничный обед, выделены подарки, памятные жетоны и большие по тем временам денежные премии.

21 сентября 1911 года газета «Русская Ривьера» поместила подробный отчет о торжественной встрече в Ялте императора Николая II с семьей, прибывших на отдых в свое южнобережное имение. Прекрасная погода как бы подчеркивала значимость для города события, намеченного на 20 сентября — празднования новоселья в новом Ливадином дворце. На набережной, убранной гирляндами цветов и зелени, многотысячная толпа восторженно приветствовала появления царского кортежа, который направлялся в Ливадию от стоявшей у мола яхты «Штандарт». Две открытые коляски, запряженные парами великолепных лошадей, ехали достаточно медленно, и поэтому все встречающие имели возможность близко видеть и при-

ветствовать Их Императорские Величества. А тем временем на площади перед дворцом выстроился почетный караул от 13-го Лейб-гренадерского Эриванского полка при знамени, оркестре и хоре. Пока император обходил строй почетного караула, Александра Федоровна подошла с приветствиями к В.С. Кочубею, В.Н. Качалову, П.Н. Янову и Н.П. Краснову, строительным подрядчикам и служащим. Управляющий В.Н. Качалов поднес хозяевам имения хлеб-соль на фарфоровом блюде с изображениями четырех царских дворцов различных эпох и произнес краткое приветствие: «Ваше Императорское Величество! Верные слуги Вашего Величества, служащие и рабочие имения «Ливадия» встречают Вас, всемилоостивейший Государь, нашего державного хозяина с благоговейной радостью и усердно просят Ваше Императорское Величество при вступлении в новый Ливадийский дворец принять от нас по исконно русскому обычаю хлеб-соль». Императрице и великим княжнам были поднесены прелестные букеты цветов, после чего Августейшее семейство проследовало в Крестовоздвиженскую церковь, где духовник царской семьи протоиерей Кедринский отслужил молебен.

По фотографиям, которые направлялись Качаловым в Главное Управление Уделов вместе с еженедельными отчетами о ходе строительства, Николай Александрович и Александра Федоровна могли, конечно, представить, как будет выглядеть их новый дом. Однако действительность превзошла ожидаемое.

Вот как писал Николай II матери о своих первых впечатлениях: «Мы не находим слов, чтобы выразить нашу радость и удовольствие иметь такой дом, выстроенный именно так, как хотели. Архитектор Краснов удивительный молодец — подумай, в 16 месяцев он построил дворец, Большой Свитский дом и новую кухню. Кроме того, он прелестно устроил и украсил сад со всех сторон новых построек вместе с нашим отличным садовником, так что эта часть Ливадии очень выиграла. Виды отовсюду такие красивые, особенно на Ялту и на море. В помещениях столько света, а ты помнишь, как было темно в старом доме... Что редко бывает — Краснов сумел угодить всем: дамы, свита и даже *femmes de chambre* [горничные. — *Авт.*] и люди довольны своими помещениями. Все приезжающие, после осмотра дома, в один голос хвалят то, что видели, и, конечно, самого виновника — архитектора».

Новый Ливадийский дворец оценила и художественная общественность России того времени. Академик Ф.Г. Беренштам писал в журнале «Зодчий»: «Дворец, спроектирован в итальянском Ренессансе XV—XVI веков. Основными мотивами композиции служили памятники Флоренции, но при этом приходилось считаться с требованиями загородного дворца и современного комфорта. Надо было, сохраняя строгую красоту дворцовой архитектуры, дать уют и интимность дачи, соединить величавое впечатление дворца с мягким покоем загородного дома, расположить здание так, чтобы некоторые части его были особенно открыты солнцу и воздуху, а крыши использовались для террас, бельведеров и вышек». Сам архитектор дал очень краткую характеристику Большого Ливадийского дворца: «Про-

ектирован и выполнен в стиле итальянского Ренессанса из штучного инкерманского камня, со всеми орнаментальными частями, высеченными из того же камня. Здание дворца имеет 116 отдельных помещений, один большой внутренний двор и три малых световых двора. Парадные официальные комнаты дворца отделаны и меблированы в том же стиле».

Беглый осмотр фасадов здания, особенно северного, обращенного к Ялте, казалось бы, подтверждает слова зодчего. Насыщенность архитектурными элементами, свойственными палаццо Венеции и Флоренции, действительно говорит о том, что перед нами дворец в стиле итальянского Возрождения. Фасад расчленен горизонтальной линией балкона, а колоннада галереи подчеркивает ордерный характер деления, введенный в практику архитектуры еще на заре Ренессанса знаменитым Л.Б. Альберти. Сдвоенные и строенные окна ризалитов и высокой башни, поставленной на углу северного и западного фасадов, арочное оформление входа, так же, как и изящная аркада балкона-бельведера в левой части этого фасада, являются своего рода архитектурными цитатами итальянских дворцов. Ордерное деление восточного фасада, обращенного к морю, подчеркивается не только колоннадой балкона, но и пилястрами, которые четко выделяются на фоне гладкой кладки стены и поддерживают сложный карниз, разделяющий первый и второй этажи и украшенный русской геральдикой. Обращают на себя внимание прекрасные «брамантовы окна» с изящной резьбой по инкерманскому камню и ниши с яшмовыми вазами Колыванской гранильной фабрики. Замечательным образцом Ренессанса может служить и главное украшение западного Фасада — парадный вход во дворец. Архитектор оформил его в виде портика: три полуциркульные арки, спаренные коринфские колонны, портал входных дверей, скамьи — все это сделано из белого каррарского мрамора итальянскими мастерами фирмы С.Л. Уберти по эскизам Краснова. Резная орнаментация по мрамору изображает грифонов, дельфинов, гирлянды цветов и фруктов, медальоны в обрамлении аканта. Между полукружьями арок — картуши с вензелями имен членов царской семьи, для которых строился Ливадийский дворец. Верх мраморного наличника парадного входа украшает герб Романовых. Ренессансный стиль дворца подчеркивается также одним из его важнейших структурных элементов — большим внутренним двориком, называемым «Итальянским». Именно такие дворики-патио были характерны для палаццо Флоренции и Венеции XV-XVI столетий, являясь центрами всей пластической композиции зданий. В оформлении четырех фасадов заметна большая разница, хотя общий архитектурный стиль выдержан для каждого из них. Это придает дворцу особую прелесть. Если же попытаться охватить взглядом всю композицию дворца, то станет понятной характеристика, данная ему академиком Ф.Г. Беренштамом. Прежде всего, сопоставив размеры нового дворца со старым, запечатленным на старинных фотографиях, можно заметить, как рационально Н.П. Краснов разместил довольно большое здание на весьма ограниченной площадке горного склона, ранее занятой гораздо меньшим дворцом. А используемое для этой цели оригинальное пластическое реше-

ние композиции, архитектура составляющих его частей — совершенно не свойственна итальянским палаццо, зато характерна для модного в конце XIX — начале XX веков стиля модерн.

С южной стороны Итальянского дворика архитектор расположил одноэтажный объем буфетной. Парадная столовая, прикрывающая его с запада — тоже одноэтажная, но более высокая. Основная часть здания двухэтажная, находится с северной стороны дворика. Наконец, в восточной части дворца появляется третий этаж. Башня на углу северного и западного фасадов доминирует над всей постройкой, и от нее как бы ступенчато спускаются эти композиционные объемы, повторяя гористый характер местности. Введя в конструкцию здания внутренние световые дворики (атриумы), Краснов максимально использовал солнечное освещение для жилых комнат.

Внешний облик дворца очень выиграл оттого, что вместо рустованного камня, традиционного для возведения стен построек эпохи Возрождения, строители использовали гладко обработанный инкерманский известняк светло-палевого цвета, что придало зданию легкость и изящество и отчетливо вырисовало его на фоне зелени старого парка и голубого неба. А чтобы защитить пористый инкерманский камень от разрушительного воздействия ветра, атмосферных осадков и южного яркого солнца, сохранив тем самым надолго белизну стен дворца, Н.П. Краснов распорядился обработать их внешнюю поверхность раствором флюата Кесслера.

Удивительно гармонично удалось зодчему соединить в единый ансамбль два рядом стоящие здания разных архитектурных стилей — дворец и Крестовоздвиженскую церковь. С большим тактом он вносит изменения в работу И.А. Монигетти: увеличивает притвор церкви примерно вдвое, что дало возможность устроить новый вход в храм [Старый вход был сохранен, но оказался уже в т.н. «теплом переходе» из дворца в церковь. — *Авт.*], и соединяет его открытой галереей с аркой ворот итальянского дворика. Галерея выполнена в виде византийской аркады, покоящейся на мраморных колоннах и завершающейся ажурными ручной работы воротами итальянских мастеров конца XVIII века. Портал нового входа украсила мозаичная икона «Ангела Господня», выполненная в академической мастерской профессора П.П. Чистякова по рисунку художника А.С. Славцова. Этот же художник расписал внутри стены пристройки образами, среди которых отметим икону Божьей Матери «Федоровской» — особо почитавшейся в царской семье, т.к. она в течение нескольких столетий связывалась с именем Михаила Федоровича, первого московского царя из рода Романовых. Аркада, стены дворца и церкви образовали уютный небольшой дворик. Другой атриум находится в центре жилой части дворца и называется «Арабский» по орнаментации многоцветной майолики, покрывающей стены его первого этажа, и фонтану «Мария», выполненным в восточном вкусе. [Майоликовые изразцы и восточный фонтан раньше украшали полуоткрытый дворик старого дворца. Однако для облицовки «Арабского» дворика плиток, снятых при сломе старого здания, оказалось недостаточно. Поэтому

было принято решение вновь заказать полный комплект изразцов (1234 шт.) петербургской фабрике Ваулина и Гельдвейна с обязательным условием сохранить все детали прежнего цветного орнамента. — *Авт.*].

Парадных помещений в Ливадийском дворце немного — всего пять залов. Это и понятно: он в основном предназначался для семейного отдыха, а не для официальных приемов. В их оформлении Краснов использовал лепные украшения, резные панели из каштанового, орехового и красного дерева, прекрасные мраморные камины. Последние, хотя и действующие, имели скорее декоративное назначение, т.к. дворец отапливался от собственной котельной. К работам по дворцовым интерьерам были привлечены мастера известных в России и Европе фирм, которые осуществляли идеи и замыслы архитектора по его эскизам и рисункам. Так, фирма по производству лепных работ братьев Аксеро прислала в Ливадию из Италии профессора Николини, до этого успешно закончившего реставрацию знаменитого собора Сан-Лоренцо в Генуе, а фирма Э.Р. Менционе по мраморным работам наняла для изготовления колонн и каминов известного скульптора К.Ф. Катто. В удивительно хорошем состоянии сохранились до наших дней обивка стен и наличники дверей из орехового дерева в бывшем ожидательном зале дворца, которые являлись только частью большого заказа, полученного поставщиком Его Императорского Величества — петербуржцем Ф.Ф. Мельцером от Н.П. Краснова. Два самых больших и представительных из пяти парадных залов — вестибюль и Большая столовая («Белый зал») оформлены в полном соответствии с внешним видом здания, для их украшения зодчий использовал все разнообразие декоративной орнаменталистики итальянского Возрождения. А чтобы выделить прекрасную лепку кессонированного потолка, Краснов вновь обращается к приему, уже успешно опробованному им при решении освещения столовой Кореизского дворца. Он отказывается от люстр и настенных светильников и помещает электролампы за карнизом с изящным лепным рисунком, обрамляющим гербы российских губерний. При включении ламп зал заполняется мягким, ровным отраженным от потолка потоком света.

Следует обратить также внимание на то, как архитектор расположил окна и двери в Белом зале и какого поразительного эффекта достиг при этом. Восемь больших застекленных дверей, разделенных пилястрами, соединяют столовую с Итальянским двориком, на противоположной стене этот прием повторяется, однако здесь вместо дверей такой же величины арочные окна. Ритмический рисунок разделения этих стен пилястрами определяется колоннадой дворика.

Со стороны окон к столовой почти вплотную подходит парк, спускающийся здесь тремя террасами. Перед самыми окнами — зеленая лужайка полуоткрытого дворика — курдонера. При открытых окнах и дверях сам зал, благоухающая растительность парка и прелестный внутренний Итальянский дворик составляют единое целое — идеальный пример гармоничного единства архитектуры с окружающей природой!

Мебельный гарнитур в ренессансном стиле, заказанный Н.П. Красно-

вым фирме Ф.Ф. Тарасова специально для Белого зала, состоял из большого обеденного стола и двух пристенных, ста стульев, четырех кресел и четырех банкетов. Зеленый сафьян обивки прекрасно сочетался с ореховым деревом витых колонок спинок, подлокотников и ножек стульев и кресел. В основу рисунка тонкой резьбы деревянных частей был взят мотив коринфского ордера — волуты и акант. За высокое качество изготовленной для Ливадийского дворца мебели Ф.Ф. Тарасов удостоился престижного звания «Поставщик Двора Его Императорского Величества», а несколько предметов из гарнитура Белого зала даже демонстрировались на Всероссийской выставке мебели в Санкт-Петербурге. Меблировкой парадных и жилых помещений дворца и светского дома занимался по заказу архитектора и ряд других известных фабрик России: Ф.Ф. Мельцера (Петербург), К.В. Зибрехта (Москва), Н. Чернетенко (Симферополь), Э. и И.Кон (Москва).

Комнаты для гостей, а также личные покои царской семьи были украшены и обставлены мебелью в стиле модерн со свойственным последнему изысканным подбором материалов и обивочных тканей. Новые технические приемы обработки дерева позволяли добиваться исключительных декоративных эффектов. Так, в Малой столовой использовалась байцовка красного дерева под медь, в спальне и ванной комнате императрицы — липа, полированная под белый мрамор, в гостиной старших дочерей — т.н. отделка «под птичий глаз» и т.д.

Одним из самых красивых залов второго этажа дворца был рабочий кабинет императора. Недаром Николай II в дневнике 1911 года записал: «Я в восторге от своего верхнего кабинета». Мебельный гарнитур для него и филенчатые облицовочные панели стен с полочками по верхнему краю были изготовлены мастерами фабрики Ф.Ф. Тарасова из ясеневоего дерева с байцовкой в темный зеленовато-коричневый тон, удачно сочетавшийся с обивкой стульев и кресел зеленым сафьяном с тиснением излюбленного модерном изображения цветка ириса. Причем набор предметов мебели был составлен таким образом, что просторный, залитый светом кабинет как бы разделялся на две части — рабочую, деловую, обращенную к окнам эркера, и уголок для отдыха, своего рода курительную — перед массивным каминном из серо-зеленого диорита.

Из нескольких десятков крупнейших отечественных и зарубежных фирм и художественных мастерских, привлеченных Главным Строителем к оформлению экстерьеров и интерьеров новых дворцовых зданий, отметим еще московскую фабрику братьев Е., А. и Ф. Вишневых. Изготовленные ими прекрасные бронзовые «флорентийские» фонари до сих пор украшают Итальянский дворик и наружные стены Ливадийского дворца.

В новый Ливадийский дворец царская семья приезжала четыре раза — осенью 1911 и 1913 и весной 1912 и 1914 годов. 12 июня 1914 года они выехали из Ливадии, не подозревая, что навсегда простились с ней.

Внутреннее обустройство Свитского дома завершилось в 1912 году, когда Николай Петрович уже стал служащим Главного Управления Уделов, ответственным за «техническое наблюдение за всеми строительными и ме-

бельно-обойными работами во дворцах и прилегающих к ним постройках». Другой крупной работой в Ливадии довоенного периода явилось строительство в начале 1914 года одноэтажной буфетной, примыкающей с одного торца к Белому залу, с другого выходящей на партер перед церковью.

Начавшаяся мировая война помешала осуществлению многих замыслов Н.П. Краснова, в т.ч. по дальнейшему преобразованию Ливадийского парка. Сохранились эскизы и чертежи архитектора, показывающие поиск им наиболее выразительных малых форм украшения различных уголков парка — беседок, лестниц, мостиков, скульптур.

Ялта.2001.

